

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБОЗРЫ

ПОЛЬСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

1

Начало научному изучению диалектов польского языка было положено монографией А. Малиновского, посвященной опольским говорам Нижней Силезии². Из школы Л. Малиновского вышла большая группа увлеченных диалектологией, хорошо подготовленных исследователей во главе с К. Ничем, который по праву считается творцом польской диалектологии. На основании своих собственных наблюдений, а также используя материалы других исследователей, К. Нич дал обобщающее описание всей польской языковой территории в ее

диалектной раздробленности³, и доньше являющееся основополагающим трудом по польской диалектологии. С именем К. Нича связан большой период в истории польской диалектологии. Он воспитал и вырастил целую плеяду диалектологов — достаточно назвать, например, М. Малецкого, З. Штибера, П. Голомба. Созданный им совместно с М. Малецким «Лингвистический атлас польского Прикарпатья»⁴ прекрасно характеризует состояние и уровень данной науки в Польше перед второй мировой войной.

Большие потери в кадрах, понесенные польской диалектологией во время второй мировой войны, сделали неотложной задачей первых послевоенных лет подготовку новых научных работников, способных успешно справиться с теми задачами, которые стояли и до сих пор еще стоят перед польской диалектологией. После второй мировой войны польская диалектология опирается на достижения предыдущего периода, характерной чертой которого было рассмотрение диалектов как важного источника для познания истории языка. Этим объясняется преимущественный интерес исследователей к тем особенностям диалектов, которые позволяют объяснить эволюцию польского литературного языка⁵, что, конечно, не исключает изучения всей диалектной системы в целом. Такой подход к народным говорам во многом был определен продолжительной дискуссией о происхождении польского литературного языка.

Как известно, существуют две точки зрения на данную проблему. Одни ученые усматривают начало польского литературного языка в комплексе малопольских диалектов, другие же принимают за основу говоры Великопольши. Отвлекаясь от фактов филологического порядка, от фактов историко-языковых и историко-культурных, имеющих для разрешения этой проблемы принципиальное значение, ограни-

¹ В статье нами приняты следующие сокращения: Biul — «Biuletyn fonograficzny», «Lingua posnaniensis», IV — zeszyt dodatkowy; BPTJ — «Biuletyn Polskiego towarzystwa językoznawczego», Kraków; JP — «Język polski», Kraków; KPom — «Konferencja pomorska (1954). Prace językoznawcze», Warszawa, 1956; LP — «Lingua posnaniensis»; On — «Onomastica», Wrocław; PorJ — «Poradnik językowy», Warszawa; PPol — «Prace polonistyczne», Łódź; PZ — «Przegląd zachodni», Poznań; RKJ — «Rozprawy Komisji językowej (Łódzkiego towarzystwa naukowego)»; RS — «Rocznik slawistyczny», Kraków; SAU — «Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii umiejętności», Kraków; Sp — «Sprawozdania z posiedzeń naukowych Instytutu językoznawstwa U. J. za r. 1952—1953», Kraków, 1953; SPAN — «Sprawozdania z prac naukowych Wydziału nauk społecznych PAN», Warszawa; Spraw — «Sprawozdania z posiedzeń Komisji językowej towarzystwa naukowego Warszawskiego», Warszawa; Studia — «Studia z filologii polskiej i słowiańskiej», Warszawa; ZNAM — «Zeszyty naukowe Uniwersytetu A. Mickiewicza», Filologia, I, Poznań, 1957; ZNF — «Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego», Filologia, Kraków; ZNŁ — «Zeszyty naukowe U. Ł. Nauki humanistyczno-społeczne»; I, Łódź, 1955; ZNOP — «Zeszyty naukowe. Językoznawstwo», I — Wyższa szkoła pedagogiczna w Opolu, 1957; ZNW — «Zeszyty naukowe Uniwersytetu Wrocławskiego», Seria A, № 5, 1957. В настоящем обзоре учитываются работы, вышедшие до 1958 г.

² L. M a l i n o w s k i, Beiträge zur slavischen Dialektologie, Leipzig, 1873.

³ K. N i t s c h, Dialekty języka polskiego, Krakow, 1915. Третье издание вышло в Вроцлаве в 1957 г.

⁴ «Atlas językowy polskiego Podkarpacka», Kraków, 1934.

⁵ См. З. Ш т и б е р, Роль отдельных диалектов в формировании польского литературного языка, ВЯ, 1956, № 3.

чимся здесь рассмотрением проблемы использования материалов современных диалектов при изучении эволюции литературного языка. Проблема эта сводится (конечно, с серьезными ограничениями) к следующим основным вопросам: в какой степени отражают современные говоры исторические отношения эпохи раннего средневековья? В какой мере анализ и сравнение современных говоров позволяют установить хронологию отдельных изменений в структуре польского языка? Каково отношение диалектных данных к филологическим свидетельствам старопольских памятников?

В научной литературе легко выделяются два направления в решении этих вопросов. Первое из них судит о прошлом польских говоров почти исключительно на основе современных данных (а именно при помощи анализа географического распространения отдельных черт — фонетических, грамматических и лексических) и на базе связей языковых явлений с историей материальной культуры, с миграцией населения, с экспансией одних диалектов на другие⁶. Сторонники этого методологического подхода придают особое значение устойчивости границ географического распространения языковых черт, а также их широкому соответствию с границами племен. При таком понимании общее состояние современных польских диалектов предстает как результат очень раннего расселения, происшедшего задолго до эпохи феодализма. Позднее феодализм закрепил эту дифференциацию в границах церковного деления (епархий и архиепархий)⁷. Таким образом, согласно излагаемой точке зрения, современные говоры играют для установления диалектных взаимоотношений в средневековье решающую роль. Понятно, что филологические факты при такой постановке вопроса представляют значительно меньший интерес, особенно для тех диалектных явлений, которые засвидетельствованы в памятниках далеко не единообразно и имели в древнепольском языке окказиональный характер, например мазурение, переход $-ch \gg -k$ ⁸.

Иную позицию занимают те исследователи, которые исходят из филологических фактов и пробуют установить соотношение диалектов в средневековой Польше главным образом именно на такой основе. Конечно, при этом используются и данные

современной диалектологии, но они выполняют лишь вспомогательную роль, являясь как бы исходным пунктом исследования. При таком подходе известные в настоящее время диалектные черты изучаются по памятникам с точки зрения их исторического распространения. В зависимости от конкретной ситуации оба источника, т. е. филологические данные и современные говоры, используются по-разному. Таким путем достигается взаимодействие обоих методов исследования истории диалектов, причем преимущество отдается фактам филологических источников. Подобное понимание исторической диалектологии полнее всех сформулировал В. Ташицкий. По мнению этого автора, «существует одна историческая диалектология без какого бы то ни было разграничения, использующая все возможные источники, все исследовательские средства»⁹. Наиболее филологическое, а следовательно, и наиболее одностороннее понимание исторической диалектологии проявляется в трудах В. Курашкевича (см. прежде всего его работу «Происхождение польского литературного языка в свете данных исторической диалектологии»¹⁰).

Оба приведенных исследовательских метода принципиально не противостоят друг другу. Правильнее было бы говорить лишь о разной степени привлечения диалектных данных для исторического изучения языка, так как общим для этих методов является историко-эволюционный подход к диалектам, при котором современные говоры понимаются как средство глубже проникнуть в историю данного языка и который является главной чертой польской диалектологии.

Если само понятие языка как системы в целом является для польской диалектологии положенным бесспорным (хотя нередко и по-разному трактуемым), то цели и метод исследований могут пониматься по крайней мере в двух вариантах. Разница между ними ярче всего выступает при сравнении так называемых краковской и варшавской школ и с некоторыми упрощениями может быть представлена следующим образом: краковский центр (названия эти очень условны, деление не является абсолютно географическим) постулирует и осуществляет фонологический анализ и фонологическую интерпретацию диалектного материала, варшавский — фонетический. Очень важно, что обеим школам свойствен историзм, правда, с некоторы-

⁶ См. K. Nitsch, Co to jest dialektologia historyczna?, BPTJ, zesz. VIII, 1948, стр. 119—122; его же, Co wiemy naprawdę o dialektach ludowych XVI wieku?, JP, XXXIII, 4, 1953, стр. 225—244.

⁷ См. K. Nitsch, Granice mazurzenia w świetle Polski plemiennej, BPTJ, zesz. X, 1950, стр. 159—163.

⁸ См. K. Nitsch, Najdawniejsza małopolska cecha dialektyczna, SAU, t. L, № 8, 1949, стр. 410—413. Наиболее яркое применение этого метода см. в его статье «Z historii narzecza małopolskiego», «Symptolae grammaticae in honorem I. Rozwadowski», II, Kraków, 1928, стр. 451—465.

⁹ См. W. Taszycki, Co to jest dialektologia historyczna?, ZNF, zesz. 2, 1956, стр. 59—61. См. также его работы: «Południowo-zachodnia granica mazurzenia i przejścia $-ch \gg -k$ », SAU, t. LI, № 6, 1950, стр. 318—323; «Dawność tzw. mazurzenia w języku polskim», Warszawa, 1948; «Kilka uwag o chronologii mazurzenia», PorJ, zesz. 5, 1953, стр. 19—22.

¹⁰ W. Kuraskiewicz, Pochodzenie polskiego języka literackiego w świetle wyników dialektologii historycznej, Wrocław, 1953.

ми различиями в акценте: варшавская школа больше внимания уделяет тенденции развития, т. е., говоря в общем, устремляется мыслью в будущее, краковская же школа, напротив, видит основную задачу в использовании говором для изучения прошлого, интересуется уже происшедшими изменениями и их причинами, прежде всего внутри самой системы языка. Во всяком случае обе эти школы основаны на историческом понимании языка. Что же их разделяет?

Прежде всего способ изучения и метод интерпретации материала. При изучении какого-либо диалекта краковская школа стремится зафиксировать наиболее типичное, самое старое или даже архаическое произношение и исторической точки зрения, следовательно, более ценное. Она старается установить фонологическую систему данного говора со всеми фонологическими вариантами, чтобы в свою очередь элементы этой системы замкнуть в пределы изоглосс, перенести на карту и получить, таким образом, четкую целостную картину, иногда, может быть, несколько упрощенную, но удобную для сравнений и доступную интерпретации. Понятно, что при подобном методе исследования необходимо записать речь многих лиц. Лишь из суммы типов произношения складывается обобщенное представление о типичной системе с различными ее вариантами или же подсистемами. Итак, прежде всего устанавливается число фонем, их фонетические реализации и функции.

Безусловно, различные устанавливаемые системы не изолированы друг от друга, а напротив, сосуществуя, взаимодействуют и смешиваются, даже у одного и того же лица. Трудно представить себе так называемую чистую систему. Мы можем говорить лишь о различных пластах: старом и более новом, диалектном и литературном. Мы можем отметить внутренние тенденции развития, обусловленные структурой данного диалекта, и элементы чужие, различным образом нарушающие первоначальную систему, вследствие чего, например, в одних и тех же словах можно встретить и исконные, старые, и новые фонемы: в одних и тех же словах мы слышим *á* наряду с так называемым ясным *a*. Анализируя элементы системы, устанавливая их иерархию, краковская школа стремится прежде всего выявить основной исконный исторический слой.

Иную позицию занимает варшавская школа: основное внимание здесь уделяется индивидуальной актуализации речи, изучается речь лишь одного лица (реже — двух, больше двух — лишь в исключительных случаях), причем реализация всех звуков трактуется в одной функциональной плоскости. Целью исследования является не установление системы основных фонем и их вариантов, а описание отношений отдельных реализаций друг к другу в их количественных пропорциях. Исходя из общепольской системы, мы устанавливаем, например, что *á* суженное реализуется в данном диалекте как *á* — *x* раз, как

a — *y* раз, как *o* — *z* раз. Таким образом, получается пропорция *x : y : z*, причем наибольшее в процентном отношении число, наиболее часто встречающееся звуковые признается типичным, доминирующим. Эти количественные отношения позволяют установить направление дальнейшего развития, т. е. выяснить, который из указанных типов произношения (*y* или *z*) начинает распространяться наряду с *x* в качестве равноправного, а при учете общих тенденций развития данного диалекта может быть признан продуктивным. Таким путем мы можем определить направление развития существующих и новых, зарождающихся реализаций отдельных звуков¹¹.

Оставляя в стороне способ подачи языковых явлений (диаграммы, символы), перенесенный в диалектологию из естественных наук, обратимся к основному различию рассматриваемых здесь направлений. Оно заключается в том, что в одном случае целью исследования является собственно говоря, *langue*, в другом — *parole*. Обе школы стараются уловить в диалекте типичные элементы, но одна устанавливает их типичность анализом всей системы фонетических позиций, функций, другая же — путем количественного сопоставления реализаций данного звука. Их противопоставление относится к методу анализа, конкретно к применению статистики. Бесспорно, статистический метод приносит большую пользу в лингвистических исследованиях, но является ли он единственно надежным? Не вызывает никаких сомнений применение его к прошлому в оценке филологических фактов; в этом случае мы располагаем определенными постоянными числами, и количественные сопоставления позволяют во всей полноте установить типичные, характерные черты языка памятника или писателя, что в свою очередь облегчает сравнение различных хронологических состояний. Однако и при этих условиях необходимо правильно интерпретировать тексты, устранять возможные ошибки. Гораздо нужнее оказывается такой предварительный анализ при изучении живых диалектов, когда субъективный момент проявляется со всей ясностью и очевидностью. Часто анализ функций отдельных элементов, областей распространения различных вариантов вполне обеспечивает установление фонологической системы, а это, в свою очередь, позволяет оценить различные варианты произношения (типы реализаций) и выявить их иерархию. Приведенные оговорки ни в коей мере не пред-

¹¹ См. подробнее: Z. Klemensiewicz, *Dorobek językoznawstwa polonistycznego w dziesięciolecie Polski Ludowej*, BPTJ, zesz. XIV, 1955, стр. 43—46; J. Tokarski, *Z zagadnień dzisiejszej dialektologii*, PorJ, zesz. 1, 1949, стр. 18—24; W. Doroszewski, *Przedmiot i metody dialektologii*, PorJ, 1953, zesz. 1 — стр. 1—8, 2 — стр. 1—7, 3 — стр. 2—10, 4 — стр. 4—12; ег о ж е, *Strukturalizm a dialektologia*, SPAN, I, 2, 1958, стр. 26—34.

решают степени пригодности обоих методов, ибо использование их зависит исключительно от конкретных условий.

С вышеизложенными положениями тесно связана проблема методики собирания диалектного материала, а именно проблема так называемого импрессионистического и нормализаторского способов записей говоров. Первый из них рассматривает все записанные факты в одной плоскости, непосредственно, другой же предполагает определенную селекцию материала, его дальнейшую проверку в целях исключения всех субъективных моментов, которые могут появиться по самым различным причинам (неудачный выбор диктора, недостаточное знакомство исследователя с данным говором, возможные ошибки). Здесь важно отделить надежные сведения от сомнительных, причем совершенно недопустимы какие-либо исправления, изменения в записях, подтягивание их к заранее принятой схеме. При анализе записей необходимы определенная оценка, разграничение фактов. Так, например, если в говорах западной Малопольши отмечается *bżuk* наряду с изолированными *bżuch*, то можно установить следующее: 1) наличие перехода конечного $-ch \geq -k$, 2) появление новых отношений, а именно восстановление былого $-ch$. Выяснение последнего в принципе очень просто и не требует количественного анализа: формы с $-ch$, несомненно, являются новыми; вероятнее всего, они восприимчивы из литературного языка (не исключена также возможность аналогического выравнивания)¹².

2

Переходим к описанию важнейших работ послевоенного периода. Первое место здесь, несомненно, принадлежит работе над «Малым атласом польских говоров» и «Словарем польских говоров», ведущейся в Кракове, до недавнего времени — под руководством К. Нича. «Малый атлас», первая тетрадь которого вышла из печати (Wrocław—Kraków, 1957), заключает в себе данные из 116 основных и многих так называемых дополнительных пунктов, а также материалы из печатных изданий и рукописной картотеки диалектного словаря. В целом каждая карта «Атласа» охватывает 250—300 пунктов. Программа, на базе которой создан «Атлас», составлена в основном З. Штибером и содержит 601 вопрос (475 лексических и 126 грамматических). Все издание будет состоять из 10—12 выпусков; в каждом выпуске 50 карт и том комментариев к ним¹³. От предыду-

щих трудов такого типа «Малый атлас», с одной стороны, отличается широтой и разнообразием материала (так как охватывает не только ответы на анкету; это, конечно, несколько нарушает однородность источников, но в то же время позволяет более точно определить границы отдельных явлений). С другой стороны, он характеризуется многообразием способов картографирования материала. Наряду с картами, снабженными надписями (№ 11), там имеются карты точечные (№ 1), плоскостные (№ 22), карты с комбинированным обозначением (№ 45), разноцветные карты. Кроме того, широко употребляются изоглоссы. Каждая карта снабжена исчерпывающим комментарием, содержащим список дополнительных пунктов, грамматические и семантические замечания и общую географо-лингвистическую характеристику данного слова или значения. При вышеуказанном способе, как мы видим, имеет место не только описание сырого материала, но и его научная интерпретация, обобщение, дающее возможность сравнивать. Комментарий содержит также определенные библиографические ссылки, становясь отчасти как бы небольшой монографией по данной проблеме.

Таким же серьезным делом польской диалектологии является подготовительная работа к «Словарю польских говоров», начатая К. Ничем около 1925 г. В настоящее время идет собирание материала по самым различным источникам: по печатным работам, по рукописям—записям непосредственных наблюдений и по составленным лингвистами-автохтонами словарям отдельных деревень. В основу словаря лягут последние материалы, которые наиболее полно отражают словарный запас данной деревни, а в целом своими данными охватывают почти всю Польшу. Видимо, уже в скором времени можно будет приступить к редактированию и изданию словаря. Поскольку Б. Сыхта специально подготавливает кашубский словарь, возникает вопрос о привлечении кашубских материалов и особенно об использовании словарем богатых кашубских собраний, какими располагает руководимый З. Штибером II Варшавский диалектологический сектор. Сейчас необходимо выработать редакционные принципы, установить временные границы словаря, определить его отношение к «Малому атласу» и многое другое, имея при этом в виду, что новый словарь призван достойно заменить несовершенный и уже устаревший «Словарь польских говоров» Я. Карловича.

Наряду с названными общими исследованиями ведется изучение отдельных частей польской языковой территории и прежде всего диалектов северной Польши [см.: Е. Каминьска, Я. Палковска, Г. Поповска, З. Тополинска, «О проделанной работе над диалектологическим атласом левобережного Поморья» (PogJ, zesz. 10, 1955, стр. 379—387)]. Исследование кашубских диалектов, проводимое под руководством З. Штибера, ввиду специфики изучаемых говоров представляет большой инте-

¹² О технике диалектологического исследования см.: A. Z a g e b a, O metodach i technice badań gwarowych, BPTJ, zesz. XIV, 1955, стр. 140—156; его же, Uwagi o geografii słowotwórczej, BPTJ, zesz. XVI, 1957, стр. 165—174; L. K a s z m a r e k, Fonograf na usługach dialektologii i etnografii muzycznej w Polsce, Biul 1, 1953, стр. 19—54.

¹³ См. об «Атласе» ВЯ, 1958, № 6, стр. 102—103.

рес как для польской диалектологии, так и для всей славистики в целом [см. З. Штибер, «Главные проблемы современного изучения кашубщины» (PorJ, zesz. 2, 1958, стр. 201—202)].

Другим серьезным объектом исследования являлись диалекты Вармии и Мазур — их интенсивно изучают варшавские диалектологи под руководством проф. В. Дорошевского [см. В. Дорошевский, Г. Конечна, В. Помяновска, «Говоры Вармии и Мазур» (KRom, стр. 113—148)]. См. также многочисленные статьи об этой языковой территории, в течение многих лет печатавшиеся на страницах журнала «Poradnik językowy». Территориально связываются с вышеупомянутыми работами исследования диалектов хелминской земли проф. Г. Турской [см., например, ее работу «Диалект хелминской земли и его экспансия на соседние говоры» (KRom, стр. 87—112)].

Еще до войны начал изучать говоры Великопольши А. Томашевский; в настоящее время, опираясь на его материалы, работу продолжает проф. В. Курашкевич. Проф. К. Дэйна готовит диалектологический атлас Келецкого воеводства (см. ZNŁ, zesz. 1, 1955, стр. 9—23). Интенсивные исследования говоров Любелящины ведет люблинский научный центр [см.: Т. Брайерский, «Изучение диалектов Люблинского воеводства» («Orbis», t. V, № 2, 1956, стр. 411—420); Т. Брайерский и П. Смочинский, «Люблинский диалектологический сектор: I. Изучение говоров Люблинского воеводства, II. Сообщение об атласе люблинских говоров» (JP, XXXVIII, 4, 1958, стр. 77—80)]. Начато изучение диалектов Силезии — их проводит доц. А. Заремба [см. его исследование «Из диалектологических исследований в Старых Селковицах» («Etnografia Polski», I, Wrocław, 1958, стр. 109—116)], — а также говоры Оравы (А. Заремба и М. Карась).

Размах работ по созданию диалектологических атласов потребовал обсуждения и выработки соответствующих программ, отвечающих полевым условиям [см.: В. Ценковский, «Вопросник для собирания диалектного словаря» (PorJ, zesz. 9, 1952, стр. 30—35); К. Дэйна, «Вопросник для „Атласа говоров Келецкого воеводства“» (RKJ, t. IV, 1956, стр. 61—75); А. Басара, «Несколько замечаний о вопроснике к „Атласу говоров Келецкого воеводства“» (PorJ, zesz. 8, 1957, стр. 371—372)]. Большой интерес представляет общепольская программа по собиранию диалектной лексики, подготовленная Первым диалектологическим сектором в Варшаве под редакцией проф. В. Дорошевского [тетрадь I — «Животноводство и фауна»; II — «Флора»; III — «Народная техника»; IV — «Общественная и духовная культура» (Warszawa, 1958)].

Внимание польских диалектологов вновь привлекает проблема общеславянского лингвистического атласа, охватывающего всю территорию, занятую автохтонным славянским населением. В этом коллективном исследовании, как предполагается, должны

участвовать все славянские научные центры. Подобный труд имел бы огромное значение для создания сравнительной грамматики и сравнительной лексикологии славянских языков [см.: З. Штибер, «О проекте общеславянского диалектологического атласа» («Славянская филология. Сб. статей», I, М., 1958, стр. 129—135); В. Помяновска, «К вопросу об Атласе славянских языков» (PorJ, zesz. 9, 1957, стр. 385—392)].

3

Среди монографических исследований по польской диалектологии, относящихся к послевоенному периоду, отметим в первую очередь книгу З. Штибера «Основы западнославянской диалектологии и хрестоматия диалектных текстов» (Z. Stieber, «Zarys dialektologii języków zachodniosłowiańskich z wyborem tekstów gwarowych», Warszawa, 1956) — первое польское издание такого типа. Важное значение имело переиздание в последние годы ряда трудов К. Нича. Популярным изложением его работ о говорах Поморья является произведение Л. Забродного «Язык польского народа» («Mowa ludu polskiego. Ziemia staropolskie», t. IV. «Warmia i Mazury», cz. I, Poznań, 1953, стр. 247—264).

Представление о задачах и направлениях диалектологических исследований в Польше дает статья З. Штибера «Задачи польской диалектологии» (BPTJ, zesz. XI, 1952, стр. 156—161). Критический обзор современного состояния польской диалектологии составил М. Карась [«Диалектологические труды десятилетия 1944—1954 гг.» (JP, XXXV, 3, 4, 1955, стр. 202—213, 300—308)]. Замечания о диалектологических исследованиях можно найти в статьях: З. Штибер, «Польское языкознание в 1945—1955 гг.» (ВЯ, 1956, № 4, стр. 142—151); Т. Лер-Силавинский и А. Заремба, «Успехи польской науки в области славянского языкознания после второй мировой войны» («Geografski međunarodni slavistički sastanak», Beograd, 1957, стр. 289—310). Богатые библиографические данные заключает в себе также статья А. Зарембы «Славянская лексическая география в польской лингвистической литературе» («Z polskich studiów slawistycznych. Prace język. i etnogen...», Warszawa, 1958, стр. 109—124). Труды о Поморье получили свою оценку в статье К. Нича «История изучения говор северной Польши» (KRom, стр. 11—20). Работы по силезским говорам подробно рассматривает С. Бонк: «Диалектологические исследования в Силезии до Люциана Малиновского» (S. Bók, «Prace dialektologiczne na Śląsku przed Lucjanem Malinowskim», Katowice, 1945) и «Из истории изучения нижнесилезских говоров» (ZNWr, стр. 65—130).

Из работ, посвященных изучению говор отдельных территорий и отдельных деревень, назовем следующие: С. Бонк, «Диалекты Силезии» («Dialekty Śląska. Oblicze ziem odzyskanych. Dolny Śląsk», t. I, Wrocław, 1948, стр. 285—332); «Народные говоры Нижней Силезии» («Gwary lu-

dowe Dolnego Śląska», cz. I, Poznań, 1956); З. Штибер, «Проблема языковой и этнической обособленности Подгалья» («Problem językowej i etnicznej odrębności Podgala», Łódź, 1947); З. Голомб, «О внутреннем расхождении подгальского говора» (JP, XXXIV, 2, 1954, стр. 85—111); Е. Павловский, «Подгордский говор» (Е. Pawłowski, «Gwara podgrodzka», Kraków, 1955); «Характеристика говора Выжних Сромовец и новая группировка татранско-бескидских говоров» (SAU, t. LI, № 6, 1950, стр. 327—333); М. Карась, «Диалектологические исследования территории старого вислицкого повета» (SAU, t. LIII, № 6, 1952, стр. 421—423).

Полное синтетическое описание говоров отдельных деревень, а равно богатый материал содержат работы: А. Паздурувна, «Говор деревни Вздул в Келецком повете» (RKJ, t. V, 1957, стр. 155—169); А. Мошинский, «Монографическое описание говора деревни Руды в Пулавском повете» (Studia, 3, 1958, стр. 7—60); Б. Линдартувна, «Говор района Спичин в Люблинском воеводстве» (Studia, 1, 1955, стр. 203—222); В. Стаховска-Дембецка, «Говор деревни Закшево в Рави'ском повете» (Studia, 3, 1958, стр. 81—127); Я. Мацяк, «Описание говора деревни Квяткув в Островском повете» (Studia, 2, 1957, стр. 181—199); З. Загурский, «Говор деревни Розенталь» (ZNAM, стр. 101—116), «Говор деревни Полчино» (там же, стр. 87—100); Х. Гурнович, «Надвислинский говор мальборкского диалекта» (JP, XXXIV, 4, 1954, стр. 265—272). Особое место здесь занимает интересная монография К. Нича «Хвалимский диалект» (PZ, VIII, 11/12, стр. 428—448) о ныне исчезнувшем говоре силезского диалекта в юго-западной Великопольше. См. также Р. Олеш, «О хвалимском диалекте в его ранних границах на территории Познань—Западная Пруссия» (R. Olesch, «Zur Mundart von Chwalim in der früheren Grenzmark Posen — Westpreussen», Mainz, 1956, стр. 347—372).

Значительное место среди работ послевоенного периода занимают обобщающие монографии, построенные на материале больших территорий и рассматривающие общепольские проблемы. К ним принадлежат работы З. Соберайского «Куявские говоры» (Z. Sobierajski, «Gwary kujawskie», Poznań, 1952); Х. Фридриха «Курпёвский говор» (H. Friedrich, «Gwara kurpiowska», Warszawa, 1955) — первое серьезное рассмотрение этой языковой области; В. Дорошевского «Фонетические исследования на материале нескольких мазовских деревень» («Studia fonetyczne z kilku wsi mazowieckich», Wrocław, 1955). Здесь же следует упомянуть названную выше книгу Е. Павловского о диалектах околии Нового Сонча в южной Малопольше. Специальные проблемы являются предметом монографий: А. Заребны «Названия цветов в диалектах и истории польского языка» («Nazwy barw w dialektach i historii języka polskiego», Wrocław, 1954); Я. Пётра «Местоимение *każdy* в истории и диалектах польского языка» (J. Petr, «Zaimek *każdy*

w historii i dialektach języka polskiego», Wrocław, 1957); А. Фурдаля «Мазовецкая диспалатализация мягких губных согласных» (A. Furdal, «Mazowieckie dyspalatalizacja spółgłosek wargowych miękkich», Wrocław, 1955).

Развитие лингвистической географии требовало детальной разработки методов полевой экспедиционной работы и техники картографирования собранных диалектных материалов. Эти вопросы поднимаются в общих трудах, а также в специальных статьях, из которых назовем следующие: В. Помяновска, «Из работ по лингвистическому картографированию» (PorJ, zesz. 7, 9, 1955, стр. 250—259); Б. Крея, «Методы картографирования диалектных явлений» (JP, XXXVI, 3, 1956, стр. 178—183); И. Винклер-Лещинска, «К вопросу о картографировании языковых фактов» (там же, стр. 173—178); Х. Аугустынович-Цецерска, «Карты с символами и с надписями» (на примере значений и географии слов *wapnoś* и *banowś*) (JP, XXXVII, 3, 1957, стр. 190—198). К вопросам методики обращается А. Заремба [«Форма подызывания животных как проблема лингвистико-этнографической географии» (ZNF, 4, 1958, стр. 31—42)]. Названные работы предлагают различные типы картографических решений в зависимости от специфики материала (фонетика, морфология, лексика). Иную проблематику работы над «Малым атласом» затрагивает Х. Котульска-Скулимовска в работе «Трудности идентификации названия с предметом» (JP, XXXV, 4, 1955, стр. 298—300). А. Заремба в статье «О необходимости изучения вспомогательных дисциплин для диалектологии» (JP, XXXV, 1, 1955, стр. 51—59) выдвигает требование всесторонней подготовки диалектолога к полевым экспедиционным работам.

Среди конкретных исследований в особую группу выделяются статьи о кашубских диалектах. Наибольший интерес здесь представляет работа З. Штибера «Отношение кашубщины к диалектам континентальной Польши» (Krom, стр. 37—48), в которой автор устанавливает существование в прошлом крепких связей кашубщины с северной Польшей [см. также Г. Поповска, «К вопросу о старых границах распространения кашубщины» (PorJ, zesz. 3, 1958, стр. 126—136)]. Из других работ назовем статьи П. Смочиньского «Отношение современного диалекта Славошина к языку Цейновы» (Krom, стр. 49—86), «Языковые изменения в Любине за последние пятьдесят лет» (RKJ, t. III, 1955, стр. 77—85); «К вопросу изменений *k*, *g* в Кашубщине и западных северопольских диалектах» (Studia, 3, 1958, стр. 61—79). Группировка кашубских диалектов является предметом работы Я. Зенюковой «Типичные границы распространения языковых явлений на Кашубщине» (PorJ, zesz. 6, 1958, стр. 287—303). На сходные с кашубскими фонетические тенденции, проявляющиеся в диалектах Вармии и Мазур, указывает И. Войтовичувна в статье «О так называемых кашубизмах в говорах Вармии и Мазур» (PorJ,

zesz. 4, 1956, стр. 145—148). Интересна по своей проблематике работа Б. Сыхты «Способность кашубов к языковому творчеству (на примере синонимов *biedronki*)» (JP, XXVIII, 3, 1958, стр. 217—220). Из других работ, посвященных историко-диалектологической проблематике, следует назвать статьи З. Штибер, «Изменения в фонетике Ястарни за последние сто лет» (JP, XXXIV, 4, 1954, стр. 249—252), «Из опыта диалектологической работы в Вармии» (JP, XXXIII, 1, 1953, стр. 43—47); Б. Вежховска, «Различия в речи поколений» (PorJ, zesz. 10, 1952, стр. 13—24); М. Каминьска, «Заметки о развитии опоченьского говора» (RKJ, t. IV, 1956, стр. 55—60).

Ряд публикаций посвящен изучению письменных свидетельств о старопольских диалектах. Здесь отметим исследование Е. С. Бандтке «Сведения о польском языке в Силезии и о польских силезцах 1821 г.» [J. S. Bandtkie, «Wiadomości o języku polskim na Śląsku i o polskich Ślązakach (1821)», Wrocław, 1952]; отметим также издание анонимного труда «Верхне- и нижнедиалектный путеводитель» («Der hoch- und plattpolonische Reisegefähle», 1804», Wrocław, 1948). Богатый лексический материал заключен в изданном Й. Майером и С. Роспондом «Собрании польских слов и выражений, переведенных на верхнесилезский язык 1821 г.» (J. Mayer, S. Rospond, «Zbiór polskich słów i wyrażeń na górnośląski język przetłumaczonych, 1821», Wrocław, 1956). Интересна новая работа С. Бонка «Книга разных интересных вещей... в городке Беруне» («Książka różnych ciekawych rzeczy... w miasteczku Bieruniu», Wrocław, 1958.) [Все три указанных работы вышли в серии «Из исследований истории силезского диалекта» (вып. I, II и III)—«Z badań nad przeszłością dialektu śląskiego»].

Большое количество статей и исследований посвящено проблемам грамматики: это работа К. Нича «О польских *H*» (SAU, t. LII, № 5, 1951, стр. 287—291); статьи Г. Конечной «О некоторых фонетических тенденциях в польских говорах» (PorJ, zesz. 5, 1958, стр. 208—221); «Диалекты и общепольский язык» (PorJ, 1949, zesz. 2, стр. 1—5; zesz. 3, стр. 5—10); Й. Басары «К вопросу о палатализации заднеязычных согласных *k*, *g*, *x* в восточных Мазурах» (PorJ, zesz. 6, 1956, стр. 221—228); Е. Мацевского «К вопросу о фонетике сандхи в поморских диалектах» (JP, XXXIV, 4, 1954, стр. 272—275); Я. Хлюдиньской «Лексическое и словообразовательное расхождение Вармии» (PorJ, zesz. 9, 1953, стр. 23—30). Теоретические проблемы диалектного словообразования рассматривает В. Дорошевский в работе «Словообразование и лингвистическая география. I. Механизм действия аналогии в диалектном словообразовании» (PorJ, zesz. 5, 1954, стр. 2—13).

Морфологии посвящены статьи К. Нича (совместно с Х. Граппеном) «Об окончании *-e* имен прилагательных женского рода в винительном падеже единственного

числа» (JP, XXVIII, 6, 1948, стр. 169—174) и З. Соберайского (совместно с К. Ничем) «К вопросу об окончании *-e* прилагательных женского рода единственного числа винительного падежа» (JP, XXXI, 4, 1951, стр. 178—180). Интересное морфологическое явление описывает М. Куцала в статье «Усиление подвижного окончания прошедшего времени (*wtedyem poszedł, kupitągk soli*)» (JP, XXXI, 3, 1951, стр. 125—127). Некоторые синтаксические явления отражены в работах Г. Конечной «Предложения без подлежащего в ловичском говоре» (Spraw, t. III, 1949, стр. 36—49) и «Из истории наречий степени в польском языке» (там же, t. IV, 1952, стр. 83—92), М. Шимчака «Относительные предложения в ланчицком говоре» (PorJ, zesz. 6, 1958, стр. 311—318).

Наиболее интенсивно в рассматриваемый период развивалась лексикология, главным образом в плане лингвистической географии. Особенно ценными являются большая работа К. Нича «Из истории польской лексики» («Studia z historii polskiego słownictwa», Kraków, 1948), излагающая географическое размещение 27 слов, и самый полный из имеющихся сравнительных исследований такого рода «Сравнительный словарь трех малопольских деревень» М. Куцалы (М. Kucala, «Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich», Wrocław, 1957). Богатые диалектные материалы и их лингвистический анализ представлены в работах А. Зарембы «Лексика Неполомиц» («Prace i materiały etnograficzne», t. X, zesz. 1, Wrocław—Kraków, 1952/1953, стр. 126—271), Я. Сятковского «Лексика Вармии и Мазур. Строительство и обработка дерева» (J. Siatkowski, «Słownictwo Warmii i Mazur. Budownictwo i obróbka drewna», Wrocław, 1958), Я. Сымони-Сулковской «Лексика Вармии... Транспорт и связь» (J. Symoni-Sulkowska, «Słownictwo Warmii... Transport i komunikacja», Wrocław, 1958), В. Добжиньского «Лексика деревни Адамова в Млавском повете» (ZNOp, 4, стр. 143—180). Немало лексического материала сообщено также в указанных выше общих монографиях. Интересные наблюдения есть в статье Х. Олесиньской «Несколько замечаний о количественных взаимоотношениях в лексике польских говоров» (JP, XXXVI, 4, 1956, стр. 289—299).

Особую группу образуют работы об обозначении цветов, а именно работы А. Зарембы «К вопросу о диалектных названиях оттенков и сочетаний цветов» (JP, XXVIII, 6, 1948, стр. 162—169), «Название синего цвета и его оттенков в диалектах и истории польского языка» (JP, XXX, 1, 1950, стр. 11—31) и Г. Конечной «Название цветов в ловичском говоре» (PorJ, zesz. 6, 1949, стр. 10—17). Названиями птиц занимаются: А. Заремба, «Из географии и истории слов *wrona*, *gapa* „lorvus cornix“» (Sp, стр. 30—35); Л. Качмарек, «Из географии великопольских названий птиц: *wilga*» (JP, XXXVII, 1, 1957, стр. 55—62). Ср. также работу: Й. Смыль, «Названия летучей мыши в польских говорах» (PorJ, zesz. 4, 1958, стр. 175—182).

Названия ряда явлений из области материальной культуры, их семантика и границы распространения рассматривают в своих работах: А. Заремба, «Из географии и истории польских слов. 1. Железный обрuch на окружности колеса» (Studia, 3, 1958, стр. 135—186); Б. Моцарска, «Терминология разведения и обработки льна» (PogJ, zesz. 1, 1952, стр. 20—24); И. Юдычка, «Варминские названия сельскохозяйственных орудий» (PogJ, zesz. 6, 1953, стр. 21—33); «Названия цепов и их частей в говорах Мазовецкого Поморья» (PogJ, zesz. 8, 1956, стр. 410—425); И. Басара, «Семантико-географическое распределение некоторых терминов сельского строительства на территории Польши» (PogJ, zesz. 3, 1958, стр. 110—126). Интересные наблюдения включает в себя статья В. Кушишевского «Народная лексика в области астрономии. Народные названия созвездий» (PogJ, zesz. 5, 1958, стр. 233—245).

Особо следует упомянуть две статьи по вопросам семантики, а именно: М. Кудала, «Значения и территория распространения имен прилагательных на -ni (*przedni, leŋni*)» (JP, XXXV, 1, 1955, стр. 8—26); З. Стамировска, «О влиянии переходности и непереходности глагола на его индивидуальное значение (на примере глагола *suwać, sunąć*)» (JP, XXXV, 4, 1955, стр. 247—267). Некоторые работы были посвящены отдельным словам, например заметки: К. Нич, «*Janwieła* (мн. число) = *adwent*» (JP, XXVI, 1946, стр. 161—166); М. Карась, «*Prusiać* и производные слова» (JP, XXXIV, 3, 1954, стр. 206—210); И. Замосцинска-Кудалова, «*Królik* и его диалектные разновидности» (JP, XXXV, 4, 1955, стр. 289—295).

Займствованиям в польских диалектах посвящены статьи: З. Голомб, «Слова южнославянского происхождения в польских гуральских говорах» (JP, XXXII, 5, 1952, стр. 202—208); И. Юдычка, «Типы немецких заимствований в говорах Вармии и Мазур» (PogJ, zesz. 8, 1954, стр. 1—12); И. Харасимович, «О некоторых немецких элементах в острудском говоре» (JP, XXXIV, 4, 1954, стр. 276—285).

Многие работы затрагивали материалы и проблемы польских пограничных диалектов. Основная монография по этому вопросу — обширное исследование К. Дэйны «Польско-ляшская языковая пограничная зона на территории Польши» (K. Dejna, *Polsko-laskie pogranicze językowe na terenie Polski*, cz. I, Łódź, 1952, cz. II, Łódź, 1953). Связь польских диалектов с лужицкими рассматривает М. Грухманова в статье «Языковые связи диалекта Крамск-Лужицких» (JP, XXXVII, 4, 1957, стр. 241—252). Языковые отношения на польско-украинском и польско-белорусском пограничье анализируют в своих работах: С. Храбец, «О польском говоре деревни Дулибы в б. бучачском повете» (RKJ, t. III, 1955, стр. 34—76); К. Дэйна, «Польские элементы в западно-малорусских говорах» (JP, XXVIII, 3, 1948, стр. 72—79); М. Лэсюв, «Фонетическая система хутнянского говора» (RKJ, t. V, 1957, стр. 131—

153), «Польский язык на основе западно-украинских говоров» (JP, XXXVI, 1, 1956, стр. 36—39), «Окситоны одного польского говора» (JP, XXXV, 2, 1955, стр. 144—145); Т. Зданцевич, «Акцентные особенности в говоре деревни Радзюшки под Сейнами» (Studia, 2, 1957, стр. 247—269). Интересные замечания о польском языковом острове в Венгрии находим в статье З. Штибера «Польский говор в Венгрии» (JP, XXX, 4, 1950, стр. 177—180).

Следует еще упомянуть две работы по социальной диалектологии, а именно: Х. Улашин, «Воровской язык» (H. Ułaszyn, *Język złodziejski*, Łódź, 1951) и В. Будзисшевска, «Охвесницкий жаргон» (W. Budziszewska, *żargon ochweśnicki*, Łódź, 1957). См. также: К. Дэйна, «К вопросу о терминах *язык, диалект, говор, жаргон*» (RKJ, t. III, 1955, стр. 151—156).

Особый раздел составляет диалектологическая ономастика. Проблемами топонимики занимаются: К. Дэйна, «Местные силезские наименования» (On, zesz. II, 1956, стр. 103—126); П. Галяс, «Административные и народные названия местностей в Бохеньском повете и окрестностях» (JP, XXIX, 2, 1949, стр. 51—62); П. Зволинский, «Названия рыбачьих тоней озера Снярдвы» (JP, XXXIV, 4, 1954, стр. 286—304). Личные имена исследуют: Б. Сыхта, «Прозвища у кашубов» (JP, XXX, 2, 3, 1956, стр. 97—108, 205—217); С. Пигонь, К. Нич, М. Кудала, «Несколько замечаний о женских фамилиях в деревне» (JP, XXXI, 4, 1951, стр. 182—184); М. Каминьска, «Фамилии детей и жен в Ловицком» (On, zesz. II, 1956, стр. 127—136), «Фамилии и прозвища сельского населения в Ловицком округе» (On, zesz. IV, 1958, стр. 79—120); А. Заремба, «Польские народные имена» (On, zesz. III, 1957, стр. 129—178, 419—446).

Публикация новых диалектных текстов продолжается на страницах журналов «*Język polski*» и «*Poradnik językowy*». В качестве одного из наиболее значительных изданий следует отметить «Севернопольские диалектные тексты (от Кашубщины до Мазур)» (*Północno-polskie teksty gwarowe od Kaszub po Mazury*, pod red. K. Nitscha, Kraków, 1955). И. Козакувна и М. Шимчак издали «Свадебные обряды в деревне Чехы в Серадзском повете» (PpOl, XI, 1953, стр. 35—68); далее см. «Народные тексты, записанные в деревне Кшановице в Рациборском повете» (Studia, 2, 1957, стр. 270—319); «Сказки Вармии и Мазур» («*Bajki Warmii i Mazur*», pod red. H. Konecznej i W. Pomianowskiej, Warszawa, 1956). В этой связи следует упомянуть и о популярной работе А. Зарембы «Собирание диалектных материалов» (*Zbieranie materiałów gwarowych*, Wrocław, 1956).

Качество собираемого материала, его большая точность достигается благодаря записи текстов на пленку и грамофонные пластинки, что в течение многих лет практикует Фонографический институт при университете в Познани [см.: Н. Боровска, З. Соберайский, «Каталог пластинок Фонографического института при Познан-

ском университете» (Biul 1, 1953, стр. 84—105); З. Соберайский, «Каталог пластинок Фонографического института УАМ» (Biul 2, 1957, стр. 84—109)].

Разработка графики, методов передачи диалектных текстов в печати связана с принятием тех или иных теоретических и практических постулатов. В оживленной дискуссии по этим проблемам приняли участие З. Соберайский [«Как публиковать произведения народной поэзии. Попытка создания орфографии» (PorJ, zesz. 7, 1953, стр. 19—27)], В. Дорошевский [«К вопросу о проекте компромиссной фонетической орфографии» (там же, стр. 27—35)], А. Заремба [«О способах транскрибирования народных текстов» (там же, zesz. 1, 1954, стр. 12—21)]. В целом эта проблема еще не нашла единодушного решения и требует дальнейшего рассмотрения.

4

При обозрении исследований по диалектам других славянских языков прежде всего следует привести два обобщающих труда: названную выше работу З. Штибера «Основы западнославянской диалектологии...» и исследование В. Курашкевича «Восточнославянская диалектология и хрестоматия народных текстов» («Zarys dialektologii wschodniosłowiańskiej z wyborem tekstów gwarowych», Warszawa, 1954), которые являются признанными университетскими учебниками, обладающими большими научными достоинствами.

Значительное количество работ построено на материале украинских диалектов. Особого внимания здесь заслуживает ныне почти исторический труд З. Штибера «Диалектологический атлас старой Лемковщины» («Atlas językowy dawnej Lemkowszczyzny», zesz. I, Łódź, 1956; zesz. II, Łódź, 1957), заключающий материал, собранный в 1934—1935 гг. в 80 пунктах и обобщенный в 100 картах комментариями. Тому же лемковскому диалекту посвящена работа З. Штибера «Из исторической фонетики диалекта Лемков» (Studia, 3, 1958, стр. 363—381). Ценный материал представляют также статьи: З. Штибер, «Сравнительное исследование словаря Карпат» (SAU, t. XI, VI, № 7, 1945, стр. 148—151); З. Штибер и С. Храбен, «Заметки по лексике украинских говоров в Карпатах» (RKJ, t. IV, 1956, стр. 43—53). Западноукраинские говоры рассматривает в своих работах К. Дэйна [«Украинские говоры Тарнопольщины» («Gwary ukraińskie Tarnopolszczyzny», Wrocław, 1957), «Малорусские говоры на восток от Збруча» (SAU, t. XLVIII, № 6, 1947, стр. 217—223), «Лексическое расслоение говоров в Залещицком округе» (RKJ, t. V, 1957, стр. 77—129)].

Имеются работы по белорусским говорам. В статье «Предполагаемый след Ядвингов в Подлясье» (Studia, 1, 1955, стр. 334—348) В. Курашкевич считает возможным наличие чужого влияния в белорусской фонетике и словаре. Этому же автору принадлежит работа «Развитие 'а в связи с дифтонгизацией и палатализацией в старых говорах Подлясья и Хелмщины»

(там же, 3, 1958, стр. 211—241). Ряд трудов по говорам Подлясья и по вопросам белорусско-украинских границ опубликовал Л. Оссовский (ZNWr, стр. 131—141, 143—148). Тот же автор рассматривает также интересную ономастическую проблему «Диалектные белорусско-украинские названия местностей на -і́ца» (Op, gosp. I, 1955, стр. 117—120).

Чешские диалекты и переходные польско-чешские говоры являются предметом исследований К. Дэйны. Особого внимания заслуживает уже названная его монография «Польско-ляшская языковая пограничная зона...» Другие работы К. Дэйны: «Вопросы польско-чешской языковой пограничной зоны» («Česko-polský sborník vědeckých čr praci», II, Praha, 1955, стр. 113—131), «Опавско-лукицкая перегаловка 'е в 'о» (RKJ, t. I, 1954, стр. 86—97), «Кучевский говор на фоне других чешских говоров (там же, t. III, 1955, стр. 5—30), «Говор Мильна» (там же, t. IV, 1956, стр. 5—41). К интересным выводам по истории чешского языка пришел Т. Лер-Сплавинский в работе «Историческая основа классификации чешских говоров» (RS, t. XVII, cz. 1, 1952, стр. 19—27).

В значительно меньшей степени занимались в Польше после второй мировой войны южнославянскими диалектами, некогда широко изученными М. Малэцким. На собранном им материале построены труды З. Голомба: «Два македонских говора» (SAU, t. LIII, № 2, 1952, стр. 77—81), «Синтаксическая функция местной проклитики в македонских говорах» (LP, IV, 1953, стр. 277—291), «О фонологии говоров Богданца (на общемакедонском фоне)» (Studia, 1, 1955, стр. 289—333). Назовем здесь еще статью З. Голомба и А. Зарембы «Предварительное изучение говоров македонцев — жителей Польши» (ZNFr, zesz. 4, 1958, стр. 315—319).

*

Представленная здесь картина развития польской диалектологии после второй мировой войны, кажется, достаточно полно отражает как направление исследовательских работ в этом разделе языковедения, так и его постоянный рост в количественном отношении и в области методологии. Первое место здесь, несомненно, занимают труды по лингвистической географии и лексике. Обращает на себя внимание большое количество исследований отдельных диалектов, а также работ, охватывающих собой всю польскую диалектную территорию; среди них доминируют коллективные труды научных учреждений Польской Академии наук и университетов. Сравнительная малочисленность работ такого типа на территории Малопольши объясняется тем, что этот район страны, с одной стороны, был относительно хорошо изучен еще перед первой мировой войной, а с другой, что он был охвачен «Атласом польского Прикарпатья».

В развитии польской диалектологии после второй мировой войны легко выделяются разные этапы. Переломными го-

дами, несомненно, были годы 1954—1955, так как с этого времени начинается серьезная активизация диалектологических исследований. Если в первые послевоенные годы почти вся научная деятельность сводилась в основном к обработке предвоенных материалов, то около 1953—1954 гг. начинается новый период экспедиционной работы, собирание новых данных. Это изменение находится в прямой связи с созданием ПАН, которой принадлежит решающая роль в диалектологических исследованиях (ведь именно возникновение ПАН определило возможность коллективной работы в отличие от предшествующего периода, когда все изыскания проводились прежде всего индивидуально). Немаловажную роль сыграли здесь общий подъем интереса к языкознанию и значительная финансовая помощь. Другим серьезным фактором было воспитание многочисленных молодых научных кадров, вполне подготовленных к трудным условиям экспедиционной работы и способных к самостоятельной обработке собранного материала.

Благодаря этим двум обстоятельствам

польская диалектология могла отважиться на выполнение трудов такого ранга, как «Малый атлас польских говоров», «Словарь польских диалектов», как упомянутые выше многочисленные коллективные работы большого географического охвата и большой научной значимости. Недостаточно развиваются пока еще исследования диалектов других славянских языков, хотя в настоящее время и в этой области виден уже значительный прогресс. В целом представленное здесь развитие польской диалектологии свидетельствует о большой жизненности этой области лингвистики, показывает многостороннюю тематику работ, высокую степень методологической подготовки, тесную связь этих исследований с историей. Настоящая статья охватывает, естественно, не все труды, но даже этот фрагментарный библиографический материал, выделяя самое главное, достаточно ярко демонстрирует направление исследований и достигнутые успехи.

М. Карась

Перевела с польского Т. С. Тихомирова

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКА ДАРИ В ТРУДАХ СОВРЕМЕННЫХ ИРАНСКИХ УЧЕНЫХ *

Язык дари в качестве литературного языка, как известно, был широко распространен в Средней Азии и Иране с конца IX в. до начала XVI в. В результате дальнейшего развития дари в настоящее время можно считать продолжает свое существование в виде трех весьма близких к нему литературных языков — таджикского в Таджикистане, персидского в Иране и языка фарси («кабули») в Афганистане.

Для уяснения проблемы языка дари не сделано еще самого главного: не изучены в должной мере дари и его «потомки», не исследован язык наиболее древних памятников дари, свободных от искажений и неточностей, допущенных переписчиками; не проведено фронтальное обследование диалектов восточного Ирана, Таджикистана и северо-западной части Афганистана. Мы уже не говорим о том, что для решения проблемы дари крайне необходимы сведения из других наук — истории, этнографии, географии и т. д. Ввиду неразработанности материала всякая постановка проблемы дари на современном этапе развития лингвистики неизбежно приобретает не столько лингвистический, сколько историко-филологический характер в широком смысле слова (см. появившиеся за последние 20—30 лет работы, прямо или косвенно затрагивающие интересующий нас вопрос).

* Публикуя обзор Л. С. Пейсикова, где излагается выдвинутая М. Бехаром и разрабатываемая в трудах ряда современных иранских ученых концепция, отрицающая теорию о проникновении языка дари с юга-запада Ирана на восток, редакция предполагает продолжить обсуждение проблемы возникновения и развития языка дари и тем самым осветить и другие точки зрения на рассматриваемую проблему. — *Ред.*

Тем не менее сложившееся историко-филологическое направление в изучении проблемы языка дари привело к положительным результатам. Главным из них следует считать новую складывающуюся концепцию происхождения и развития языка дари. Эта концепция ставит под сомнение традиционную концепцию движения дари с юго-запада на восток (Т. Нёльдеке) или экспансии персидского языка на восток по путям арабских завоеваний (А. А. Фрейман) ¹. Определенная заслуга в разработке проблемы дари принадлежит современным иранским филологам. Сделаны уже некоторые ценные выводы, хотя часто они высказываются предположительно и не носят характера широких обобщений. Иногда же эти выводы слишком прямолинейны и преждевременны. Например, в предисловии к «Грамматике персидского языка для четырех классов средних школ», написанной пятью видными филологами — М. Бехаром, А. Карибом, Б. Форузанфаром, Дж. Хомай и Р. Ясеми, имеется следующее краткое заключение по поводу языка дари и времени его распространения: «Персидский дари (фарси-йе дари) был языком, на котором говорили в эпоху династии Сасанидов царский двор и жители Медана — столицы государства, и языком большинства жителей Хорасана и восточного Ирана был также фарси-йе дари... На этом языке после введения ислама писали свои стихи Рудаки, Фирдоуси, Онсори, Фаррохи...

¹ См. об этом стр. 124. Впервые критика традиционной концепции прозвучала в статье Е. Э. Бертельса «Персидский — дари — таджикский» («Сов. этнография», 1950, № 4), мотивировочная часть которой базируется на материалах работ М. Бехара.